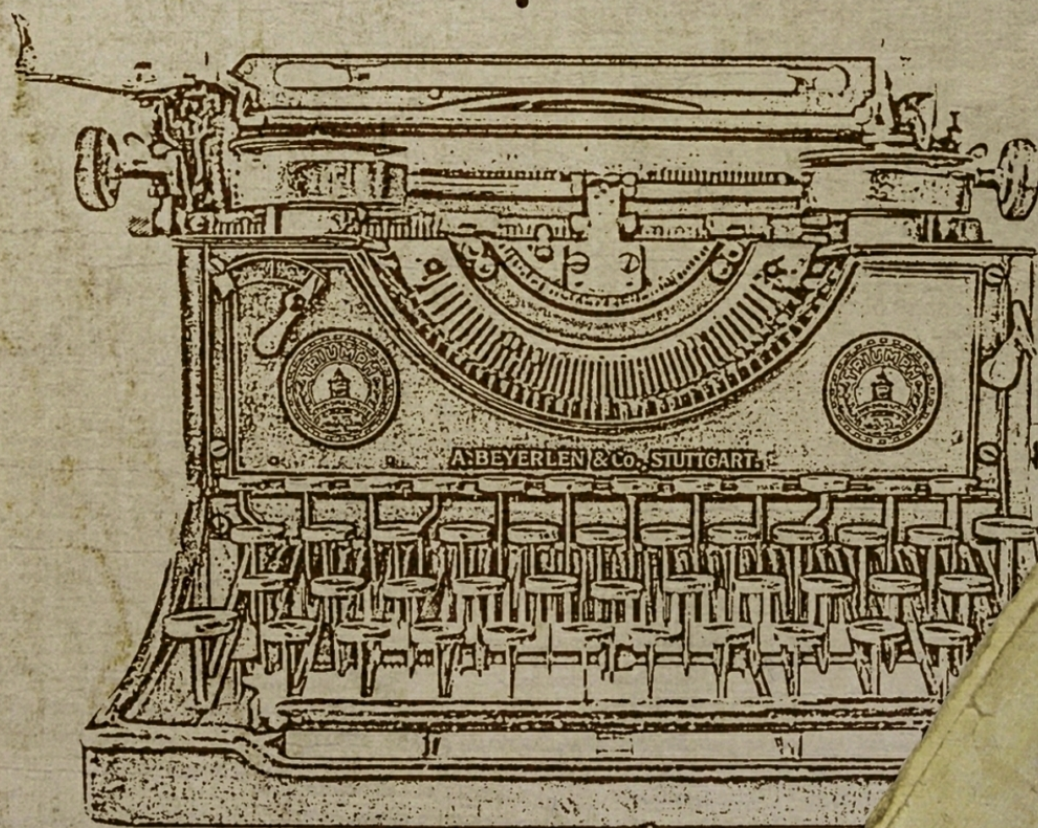

Денис Килесов

История
из Каморки

18+

Денис Килесов

Истории из Каморки

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Килесов Д. В.

Истории из Каморки / Д. В. Килесов — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

Это сборник совершенно разных коротких художественных историй. Они связаны лишь одним — все они были написаны для моего авторского сообщества «Каморка писателя» в период с 2016 по 2021 год. Здесь есть тексты, которые настроят на ностальгический лад, заставят улыбнуться или задуматься, как в свое время заставили и меня. Могу лишь пожелать приятного прочтения и посоветовать не пробегать весь сборник сразу. Ведь каждый текст здесь не просто глава рассказа, а самостоятельная история со своим посылом.

Содержание

Неблагополучный район	5
Чудо в Гаррисоне	7
Проверка в Раю	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Денис Килесов

Истории из Каморки

Неблагополучный район

«Мама говорит, что у нас район не-бла-го-по-луч-ный. Это значит бедный. В нашем доме пять этажей, а живем только мы, да Сева с бабушкой в соседней квартире. Все остальные окна темные такие, страшные. Стекол там нет, и ветер воет, как голодный волк. Мама сказала, что все, кто там жил, переехали в другие города. А мы остались, и мне иногда бывает скучно. С Севой конечно весело, но, когда он болеет, и бабушка не отпускает его гулять, я играю один.

У нас и магазины все закрылись, там тоже окна разбиты. По вечерам страшновато домой возвращаться. Но не сидеть же дома, когда есть санки и большая-пребольшая горка в соседнем дворе! К тому же туда иногда приходят мальчишки из других дворов, и мы катаемся вместе.

Вчера шел домой, замерз. Очень хотелось кушать, а домой – нет. Но мама ругается, если я не возвращаюсь вовремя. И вот шел я с горки, и началась метель. Ветер такой сильный поднялся! Сразу сугробы намело, стало трудно идти. Еще санки стали какими-то тяжелыми, но не оставлять же их. Шел я, шел, мерз и мерз, топал и топал, пока не подошел к нашему дому. И тут ветер вдруг стих, словно и не было его. Сразу так спокойно стало. Снег пошел тихо-тихо, очень красиво. В доме свет горел только в двух окнах – в нашем и в Севином. И фонарь у подъезда светил. Последний со всей улицы.

И вдруг слышу – звук такой, как будто кто-то по моим санкам маленьким таким молоточком стучит. Оглянулся, нет никого. А все стучит, да стучит. И тут поворачиваюсь я обратно, и вижу, что стоит Он. Высокий такой, чуть выше нашего дома. С большими лапищами костяными, ребра торчат, кости на морозе друг о друга постукивают. А глазища светятся оранжевым. Но не светят, а будто они этот свет поглощают. Яркие и темные. Не знаю, как это так. И рот широкий, шамкающий что-то непонятно и медленно. Как дедушка делал, когда еще не умер.

И вот посмотрел Он на меня, пошамкал и аккуратно так, накрыл костяной ладонью Севино окно. Я еще подумал, вот бабушка у него испугается, если выглянет. А я стоял и не боялся. Мне бояться нельзя, я – мамин защитник. Стоял я, смотрел, а потом раз, и светло стало. Вижу – мама. Плачет. Говорит, где я был всю ночь. А я думаю – какую ночь? Здесь был я, с горки шел. Так и сказал. А потом мы пошли пить чай домой, и мама открыла новогоднее варенье с малиной. Я хотел Севу позвать к нам, но мама сказала, что они переехали и здесь больше не живут. Жалко. Теперь одному гулять придется»

– Это все? – взгляд следователя был холоден, как рентгеновский луч.

– Так точно, – ответил лейтенант Захарченко, – пустая квартира, ободранные обои и только эта тетрадка на полу.

– Какие-то другие записки, документы... Да хотя бы мебель?

– Никак нет. Как и сказал в рапорте, совершенно пусто. Даже окна выбиты. Как будто они ночью быстро переехали.

– Свидетели?

– Никак нет. Район неблагополучный, большинство, как и написал мальчуган, разъехались.

– Ну и бардак у вас на районе, товарищ лейтенант, – следователь был напряжен, как змея перед броском, только бросаться на кого – не знал.

– Ладно, – резко сменив гнев на милость, сказал он, – Товарищ лейтенант, идите вы домой. Проспитесь хорошенько. А завтра после обеда мы продолжим.

Лейтенант Захарченко козырнул, крутнулся на сто восемьдесят градусов и вышел из кабинета. Дойдя по двери своего подъезда, кутаясь в казенный бушлат от промозглого зимнего ветра, он начал рыскать по карманам в поисках ключей. Связка нашлась в кармане на груди. Стоило лейтенанту их вытащить, как послышался какой-то скрип. Он инстинктивно обернулся и заметил в бушующем над крышами снежном месиве два оранжевых фонаря, напоминающих гаснущие фары. Заметил, и они пропали, растворились в темноте.

– Черти что мерещится уже, – буркнул себе под нос лейтенант и зашел в дом.

Переодевшись в домашнее и тщательно помыв руки с мылом, лейтенант Захарченко достал и поставил на стол бутылку водки. На хрустящей газете, служившей скатертью, появился черный хлеб и грубо нарезанный шмат жирного сала. Граненый стакан гордо возглавил колоритный натюрморт.

К полночи непочатая до того бутылка опустела. А к обеду лейтенант Захарченко не явился в кабинет следователя. Квартира его оказалась пустой. Лишь бутылка из-под водки осталась лежать на оконных осколках.

Переехал он, наверное. Район-то, неблагополучный.

Чудо в Гаррисоне

Харис частенько навещал паб "Гаррисон" по субботам. Не то, чтобы в нем разливали лучшее пшеничное пиво, или бармен был уж слишком приятен для беседы. Просто лишь здесь по субботам выступала девушка.

Она была дочерью покойного друга хозяина паба, поэтому он позволил ей выступать и не брал других девушек на ее место. По всем неписанным правилам, ей был заказан путь в подобные заведения. Она была небольшого роста, худая, с короткой, практически мальчишеской стрижкой. Невыразительные глаза и совершенно непривлекательные черты лица лишали ее всяческого мужского внимания. В ней не было ничего из того, что мужчины привыкли называть сексуальным. Она была невидимкой в толпе, быстрой тенью, на которой было совершенно невозможно остановить взгляд. Даже когда она заходила в паб и начинала готовиться к выступлению, этого никто не замечал. Но все менялось, едва ее пальцы трогали струны гитары. Происходило настоящее чудо.

Она поднималась на миниатюрную, как она сама, сцену, с трудом взбиралась на высокий барный стул и ласково проводила ладонью по струнам. А потом... она начинала петь. И в тот же миг, как из ее маленькой груди вырывались первые звуки, гул паба полностью стихал. Она начинала тихо. Немного басовито и хрипло, что слабо вязалось с представлениями посетителей о женском вокале. Но с каждой строкой песни, с каждой вытянутой нотой, ее голос все сильнее преображался. Он креп и насыщался бархатистой глубиной, сгущал воздух вокруг и заполнял пустоту. Он набухал насыщенным контральто и вдруг, вместе с резким ударом руки по струнам, взрывался пронзительным альтом. И не было уже никого, кто бы не сидел зачарованный ее искренней песней. Она распаивала свою необъятную душу и пела, пела, как пело Солнце, создавая Жизнь, как пел первозданный Океан и как поет свободный Ветер. Она хватала сердца и неслась вместе с ними на головокружительную высоту так быстро, как не могли птицы. Вокруг нее бушевало торнадо чисто первозданной энергии и она была самым его центром. Она возносилась до небес сама, и возносила всех, кто жадно ловил каждую ее строку... И затем камнем падала вниз, сложив крылья. И в этом смертельном пике, самоубийственном порыве, она с размаху врезалась в каменную землю, роняя свой голос на нижние октавы и разбивая в дребезги сердца своих слушателей. Но в тот момент, когда публика, утирающая слезы и тоскливо держащаяся за грудь, уже думала, что больше никогда не сможет познать радости, она вновь ласково заводила песню. И вновь дарила крылья израненным душам, вмиг потерявшим покой. Она заботливо собирала по осколкам чужие сердца и излечивала их, как не способен был ни один врач на земле. В нее невозможно было влюбиться. Но ее песни влюбляли с первых же нот.

Когда она заканчивала, никто не вставал с места, чтобы его аплодисменты громче раздавались в стенах "Гаррисона". Слившиеся воедино песни, ей исполненные, продолжали звучать в головах слушателей, даже когда она покидала зал. Все посетители смотрели в пустоту, давно перестав оттирать рукавами обильно льющиеся слезы. Никто не замечал, как она растворялась в толпе и вновь становилась невидимкой. Никто не видел, как она тайком клала заработанные деньги обратно в кассу своего дяди. И уж тем более никто не видел, как, стоя у черного входа в паб, она порой по часу откашливалась, поднося ко рту окровавленный платок.

Когда она умерла, Хариса не было в городе. В логистическом департаменте опять вышла путаница с грузом в Беркли. Пришлось провести неделю в командировке. Когда он вернулся в паб, там уже была другая девушка. Она была хороша собою и смешно хмурилась, когда ловила многозначительные взгляды посетителей. Она пела очень неплохо. Наверняка, в будущем ей светила карьера киноактрисы. Перед началом своих выступлений она всегда загадочно объявляла, что ненароком может разбить чье-либо сердце. После этого она начинала петь...

Но она так ни разу и не разбила сердце Хариса.
Ни разу.

Проверка в Раю

Напротив уполномоченного Инспектора, среди облачных стен и коридоров, сотканых из блестящих капель воды и солнечных лучей, бесконечно в них преломляющихся, внезапно материализовалась обыкновенная дубовая дверь. На ней красовалась донельзя пошлая табличка, выполненная из золота 999 пробы с емкой надписью «БОГ». Ведь какое существо, связанное с религией, откажет себе в золотых украшениях, не так ли?

После короткого нетерпеливого стука и громогласного «Войдите», дверь отворилась, и Инспектор вошел в кабинет. За большим столом, в глубоком резном деревянном кресле сидел Хозяин этого облачного офиса. У него была густая окладистая борода и венки с разноцветными драгоценными камнями на голове. В руках он теребил свежесорванную оливковую ветвь.

– Благословляю вас, Инспектор! С чем пожаловали?

– С чем я пожаловал, вам, я полагаю, давно известно, – существо в строгом костюме сложило крылья, сняло с головы тусклый форменный нимб и уселось на простой стул напротив Хозяина кабинета.

– Вина? Может быть фруктов? Это новый урожай из Райских кущ, советую попробовать.

– Я при исполнении, – раздражительно отмахнулся Инспектор и достал записную книжку из толстого дипломата, – Лучше приступим сразу к делу, время торопит даже бессмертных.

– Полностью согласен с вами. С чего начнем? Может, просмотрите мою личную папку святых? Я лично подбирал людей в этот список, могу поручиться за их право на жизнь здесь после смерти.

– Особо отличившаяся паства мало интересуется мое руководство, – заявил Инспектор.

– Тогда, скажем, грешники? В их личных делах есть полный перечень нарушений общепринятых правил, установленных вашими уважаемыми руководителями.

– Всю необходимую информацию я уже собрал в архивах и по прибытии отдам в аналитический отдел. Это их юрисдикция. Меня интересуют непосредственно Вы.

– Я?... – существо нервно заерзало в кресле, слишком торопливо отложило оливковую ветвь и подало вперед, – Что конкретно Вам интересно, господин Инспектор?

– Для начала уточним, каким было основание для назначения Вас Богом этого мира?

– Это что, допрос? – гневно воскликнул Хозяин кабинета, – Я не позволю вам говорить со мной в таком оскорбительном тоне!

– То, что вы имеете право позволить себе или кому-либо еще, строго регламентировано нашей комиссией, – грубо оборвал его Инспектор, – Что послужило причиной для назначения Вас на эту должность?

– Вы забываетесь, но все же я отвечу, раз это так необходимо. Комиссия заметила мое рвение к работе и исключительную рассудительность. Паства, вверенная мне, ни разу... Что вы там пишете?

– Отмечаю Вашу излишнюю горделивость, – с вежливой улыбкой ответил Инспектор, – А это вполне может сойти за Грех. Продолжайте.

– Позвольте! Гордыня является Грехом, а я всего лишь...

– Я понял. Продолжим. Скажите, состоите ли Вы в браке?

– Не понимаю как это... – беседа стала приобретать неприятный характер, – Впрочем, не важно. Нет, я не женат. И никогда не был.

– Супруга отсутствует, – пробормотал Инспектор и коротко пометил это в записной книжке.

– Это ведь не является Грехом? – осторожно спросил Бог.

– Не является, – с все той же дежурной улыбкой ответил ему собеседник, – Близкие у Вас имеются? Друзья, возможно?

– Вся паства, вверенная мне в попечение...

– Так и запишем. Близких и друзей нет. Опишите подробнее, в каких случаях вы вмешиваетесь в мирские дела?

– Ну, ... я... корректирую мотивы некоторых человеческих вождей.... Но только через посредников и с сугубо благими намерениями. Мне приходится, понимаете? Когда рождается человек, затевающий большую войну, мой долг остановить его, дабы спасти души праведников, – бегающим взглядом Бог пытался найти что-то, способное придать убедительность его словам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.